

К.М. Ячменихин

Г.С. БАТЕНЬКОВ и А.А. АРАКЧЕЕВ

Случайное и необходимое являются обязательными элементами исторического процесса. На первый взгляд, необходимым, закономерным были близкие отношения и сотрудничество Г.С. Батенькова и М.М. Сперанского. И достаточно случайным, труднообъяснимым выглядит его, хотя и кратковременное, но весьма плодотворное сотрудничество с А.А. Аракчеевым. Чего же здесь было больше – случайного или необходимого? Люди, стоявшие на диаметрально противоположных полюсах общественной мысли, оказываются объединенными одной идеей, одним делом, которое до недавнего времени оценивалось в историографии как крайнее проявление крепостничества – военными поселениями.

Историческая наука достаточно адекватно подошла к этим двум героям одной эпохи¹. Особенно активизировалось изучение жизни и деятельности А.А. Аракчеева в последнее время². Существует даже монографическое исследование, посвященное этой персоналии³. Автор использовал, в основном, опубликованные источники и в своих концептуальных решениях идет вслед за теми историками, которые при оценке личности Аракчеева учитывали всю сложность политической и социально-экономической ситуации, сложившейся в царствование Александра I. Практически во всех крупных работах о Г.С. Батенькове упоминается его служба в Совете главного над военными поселениями начальника (далее – Совет). Используя эпистолярное наследие декабриста, А.А. Брегман попыталась проникнуть в суть его отношений с А.А. Аракчеевым.

В настоящей работе предпринимается попытка на основе материалов фондов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА) дополнить и развить сюжет Аракчев – Батеньков. Вводимые в научный оборот материалы позволяют конкретизировать характер работы, которую выполнял Г.С. Батеньков, будучи членом Совета, а также скорректировать установившуюся в историографии точку зрения на его отношения с А.А. Аракчеевым.

В литературе достаточно подробно освещен вопрос о том, как попал Батеньков вначале в штаб Отдельного корпуса военных поселений, а затем и в Совет в начале 1823 г.⁴ В конце 1822 – начале 1823 г. после консультаций со Сперанским, Аракчев решил создать общее «Учреждение» о военных поселениях, для чего при штабе военных поселений была создана специальная Комиссия⁵. До этого законодательство по военным поселениям было разбросано по многочисленным «учреждениям», приказам и предписаниям. Так, существовали отдельные «учреждения» для военных поселений пехоты и кавалерии. Привлекая к этой сложной и кропотливой работе Сперанского, Аракчев, по-видимому, просил его переговорить с Батеньковым, которого знал по Первому Сибирскому комитету. Необходимо заметить, что Аракчев опирался в своей деятельности не только на таких людей, как П.А. Клейнмихель. В начале 1820-х гг. среди его помощников были М.М. Сперанский, архитекторы В.П. Стасов, Л. Руска, А.П. Брюллов, инженер М.Е. Кларк. В письме к Аракчеву от 22 ноября 1822 г. Сперанский писал: «По окончательному объяснению моему с г-ном Батеньковым я получил от него отзыв, что он приемлет сие назначение с благодарностью и будет трудиться в Комиссии с искренним усердием. Упражнения его по Сибирскому комитету и по

¹ Модзалевский Б.Л. Декабрист Батеньков: Новые данные для биографии // Русский исторический журнал. 1918. Т. 5. С. 101–153; Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965; Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. I. Иркутск, 1989. С. 3–38; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчев в их взаимоотношениях // Русская мысль. 1911. № 2. С. 1–38; Сперанский В. Сперанский и Аракчев. М., 1916.

² Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчев). М., 1966; Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчев. М., 1997; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17–62.

³ Jenkins M. Arakcheev. Grand Vizier of the Russian Empire. A Biography. N.Y., 1969.

⁴ Брегман А.А. Указ. соч. С. 24, 26, 31.

⁵ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 151, л. 33–35.

Корпусу путей сообщения, по точным словам его, не поставят ему ни малейшего к сему препятствия»⁶.

А.А. Брегман полагает, что Сперанский не мог отказать всемогущему временщику и «уступил ему своего ученика и помощника»⁷. Думается, что это утверждение несколько прямолинейно. Не надо забывать, что сам Сперанский был приглашен в этот Комитет, куда, кроме него и Аракчеева, входил начальник штаба Отдельного корпуса военных поселений генерал-майор П.А. Клейнмихель. Комитет должен был «... по мере готовности частей Проекта учреждения.., по внимательном рассмотрении и уважении» вносить их после окончательного редактирования на утверждение императору⁸. Сибирский комитет не поглощал полностью силы и возможности Батенькова и поэтому, отдавая его под покровительство Аракчеева, Сперанский тем самым хотел поправить его материальное положение и обеспечить достойную карьеру. А то, что военные поселения вводятся надолго и всерьез, он достаточно убедительно доказал в своей работе о них⁹.

Комиссия, куда, кроме инженер-майора Г.С. Батенькова, входили инженер-генерал-майор Ф.А. Бухмейер, управляющий Вторым отделением Отдельного корпуса военных поселений статский советник И.Ф. Самбурский, должна была «... собрать воедино все изданные доселе проекты и Положения о военных поселениях и все вообще постановления относительно к устройству сих поселений...»¹⁰. Во всеподданнейшем докладе за подписью Аракчеева, Сперанского и Клейнмихеля (конформирован 24 января 1823 г.) содержится предложение «назначить в члены Комиссии... и считающегося при Комитете Сибирских дел, лично замеченного Главным над военными поселениями начальником в способностях при объяснении по делам сего Комитета и одобряемого тайным советником Сперанским инженер-майора Батенькова, который и сам изъявил желание заняться по сей части, с оставлением при всех настоящих их должностях...»¹¹.

Следовательно, переходя в ведомство Аракчеева, Сперанский не бросил своего ученика и любимца, который, по его замыслам, и должен был «шлифовать» большинство разделов Проекта общего «Учреждения о военных поселениях», поскольку, если И.Ф. Самбурский был опытным, талантливым чиновником и имел опыт в создании подобных законодательных материалов, то Ф.А. Бухмейер, будучи специалистом в артиллерийском деле и долгое время возглавляя арсенальные заводы, был далек от подобного творчества. Забегая вперед, необходимо отметить, что Комиссия не успела завершить свою работу, и после отставки Аракчеева и в связи с реформой военных поселений 1826–1827 гг. деятельность ее прекратилась. Единственным реальным результатом занятий Комиссии осталось «Введение к учреждению военных поселений», написанное Сперанским и известное в историографии под названием «О военных поселениях». По мнению М.А. Корфа, этой работой Сперанский хотел «хотя бы несколько примирить с ними (военными поселениями. — К.Я.)» общественное мнение¹². Этот шаг Сперанского он оценивал как вынужденную жертву, принесенную им своему положению. Аргументировал он это тем, что за четыре года до написания брошюры, проезжая через Новгородские военные поселения, Сперанский записал в своем дневнике: «fumus ex fulgore» (призрачность — лат.).

Насколько граф доверял Батенькову, был весьма расположен к нему, свидетельствует тот факт, что последний неоднократно и подолгу находился в Грузино (имение Аракчеева в Новгородской губернии), работал здесь над различными частями Проекта учреждения о военных поселениях. Сюда же он часто приезжал просто отдохнуть и насладиться красотами графской усадьбы. А ведь Аракчеев далеко не каждого вельможу принимал в своем имении, хотя и отличался гостеприимством. По-видимому, колоссальная работоспособность (а это качество он больше всего ценил в людях), талант и весьма солидная профессиональная подготовка Батенькова произвели на него столь сильное впечатление, что буквально через год после прихода в ведомство Аракчеева, в январе 1824 г., ему был присвоен чин подполковника и он был назначен чле-

⁶ РГВИА. Д. 172, л. 106–106 об.

⁷ Брегман А.А. Указ. соч. С. 31.

⁸ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 151, л. 33–35.

⁹ Сперанский М.М. О военных поселениях. СПб., 1825.

¹⁰ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 151, л. 33.

¹¹ Там же. Л. 35.

¹² Корф М. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1868. Т. II. С. 282.

ном Совета Главного над военными поселениями начальника, «получая по сему званию по 2 тыс. руб. в год», куда входили только генералы и чиновники не ниже IV класса¹³.

Кроме чисто кодификационной работы, Батенькову зачастую поручалась разработка новых проектов и положений, касающихся всевозможных сторон функционирования округов военных поселений. Так, Аракчеев очень благожелательно относился к постройке в округах различных механических мастерских и заводов, оснащенных паровыми двигателями. В 1823 г. он задумал построить в округе гренадерского своего имени полка пивоваренный завод. Предполагалось, что бюджет военных поселений значительно пополнится за счет продажи пива (в поселениях было запрещено продавать спиртные напитки), а отходы производства (барда) пойдут на откорм волов, которые широко применялись для распашки вновь осваиваемых земель¹⁴.

С целью создания проекта строительства завода был создан специальный Комитет, куда был включен и Батеньков. Некоторое время спустя командир 1-й бригады, куда входил и гренадерский графа Аракчеева полк, генерал-майор Криденер сумел убедить Аракчеева, что в условиях военных поселений подобные заводы будут убыточными, поскольку поселяне-хозяева были весьма стеснены в свободных денежных средствах. Вызывает недоумение, почему подобная мысль пришла не Батенькову, который считался компетентным в экономических вопросах, а обычному строевому командиру.

Аналогичный случай произошел в 1825 г., когда Батеньков проявил «экономическую безграмотность». Суть дела заключалась в следующем. Весной 1824 г. был отдан приказ о начале поселения 2-й и 3-й гренадерских дивизий в Старорусском уезде Новгородской губернии¹⁵. Коренные жители волостей, которые вошли в состав поселений (поселенные батальоны этих дивизий, в отличие от 1-й гренадерской дивизии, где до 80% поселяне-хозяев были из старослужащих солдат, на 90% состояли из коренных жителей), традиционно занимались выращиванием льна на продажу. В ноябре 1824 г. Аракчеев приказал командованию отрядом (в отряд входили только поселенные батальоны, которые по мере обустройства принимали на постой и продовольственное содержание по два действующих) составить временные правила торговли на один год. Согласно «Положению о торговле военными поселянами» (1822 г.), оптовая торговля была запрещена. Законодатель исходил из того факта, что крестьянам не «свойственно заниматься торговлей», которая является прерогативой купечества.

Отрядный командир генерал-майор С.И. Маевский, хорошо разбиравшийся в вопросах промышленности и торговли, настаивал на том, чтобы не ограничивать действий военных поселяне в этом вопросе. На почве этих разногласий между ним и бригадными командирами его отряда, с одной стороны, и Аракчеевым и Советом – с другой, началась длительная борьба. Маевский полагал, что для успешного развития военных поселенческих хозяйств «есть одно из необходимейших условий – оставить им те права, которыми они до сего пользовались». Кроме того, он учитывал и тот факт, что «посреди всех 13 округов почти нет ни одного поселянина, который бы не продавал чего-нибудь посредством или непосредственно в С.-Петербурге», причем 185 из них имели капиталом от 1 до 2 тыс. руб., 60 – от 2 до 5, 13 – от 5 до 10 и 2 поселянина обладали капиталом от 10 до 15 тыс. руб.¹⁶

На основании этих фактов «Комитет бригадных командиров, рассматривая с трех сторон важные выгоды льняной промышленности, справедливо заключить должен о пользе и распространении оной в Старорусском отряде, где она укоренилась уже целыми веками и требует теперь не нововведений, но одного только правильного направления к полезному употреблению и повсеместному распространению засевов»¹⁷. До поступления в военное ведомство крестьян продавался лен купцам через посредников – булыней. Оптовую же торговлю вели, главным образом, купцы. Приказом Аракчеева (1824) было запрещено продавать лен перекупщикам, а предписывалось продавать его непосредственно купцам, поскольку «перекуп льна поселянами друг у друга... не свойственен ни состоянию сих поселяне, ни принятому порядку»¹⁸. Поселяне-хозяева вынуждены были возить лен в Старую Руссу, где цены диктовали купцы,

¹³ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 180, л. 1–2 об.

¹⁴ Там же. Д. 226, л. 173.

¹⁵ Полки 1-й гренадерской дивизии поселялись в Новгородском уезде с 1816 г.

¹⁶ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 407, л. 708 (об.)

¹⁷ Там же. Д. 341, л. 325.

¹⁸ Там же. Л. 328.

терялось много времени и «изнурялся скот». Цены на лен стали резко падать, а посевы его значительно сократились.

Комитет бригадных командиров решительно высказался в пользу того, чтобы «дозволить каждому из военных поселян полное право и совершенную свободу во всякое время и по собственному его усмотрению продавать свой лен или закупать оный у других на прежде существовавших между ими правилах»; это избавляло бы их от длительных поездок, а купцы вынуждены бы были арендовать лошадей у поселян для перевозки льна. Поселяне смогли бы также выждать, когда сложится хорошая конъюнктура, и не продавать лен по заниженным ценам. Однако реализация всего этого стояла в прямой зависимости от степени свободы экономической деятельности, т. е. когда «поселяне отпускались бы для своей промышленности во всякое время года и без всяких ограничений». На полях отчета в этом месте рукой Аракчеева написано: «Совершенно не согласен и делаю замечание Комитету за фальшивое его положение»¹⁹.

Развернутое мнение по этому вопросу Аракчеев изложил в предписании на имя Маевского от 12 июня 1825 г.: «Все представляемые от учреждаемых комитетов положения должны быть такого рода, чтобы никогда не изменяли коренных правил военного поселения, напротив того, в означенном предположении вы, генерал, утверждали, дабы увольнять военных поселян-хозяев по их промышленности с мая по сентябрь месяц, не требуя даже их к инспекторскому смотру, тем самым вы желаете иметь в поселениях батальоны торговых людей, а не военных. Сие, кажется, совершенно противно намерениям Государя императора, кои ясны по образу проводимых Его Величеством смотров в поселенных войсках, чему, генерал, вы сами были лично свидетелем!»²⁰.

Хотя Аракчеев, скорее ради соблюдения формы, и передал мнение Комитета бригадных командиров на рассмотрение своего Совета, однако практически предопределил его судьбу, предписав Маевскому: «...все почти предложения ваши... совершенно не могут быть приняты к исполнению по военным поселениям, о чем и считаю долгом поставить вам оное на вид для предостережения на будущее время»²¹. Тем не менее, Совет при обсуждении повестки дня на заседании 20 июля решил воздержаться от обсуждения этого вопроса «по важности предмета» до приезда генерал-майора Е.К. Сиверса и инженер-подполковника Г.С. Батенькова. Последний в это время находился в Грузино на отдыхе²².

Вышеприведенное обильное цитирование документальных источников позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, с Аракчеевым все-таки можно было спорить, отстаивая свою точку зрения и не все его подчиненные занимали позицию типа «чего изволите», что и доказал генерал Маевский. Еще более ожесточенные споры по поводу хозяйственного развития округов кавалерии вел с Аракчеевым их начальник И.О. Витт; во-вторых, строевые командиры в поселенных войсках не были столь ограниченными, тупыми и жестокими, какими они представляли в историографии до последнего времени; в-третьих, Батеньков пользовался большим авторитетом в Совете, поскольку даже имея недвусмысленное указание Аракчеева по вопросу о торговле, Совет, тем не менее, не отважился на окончательное решение в его отсутствие.

Как же повел себя в этих обстоятельствах будущий декабрист? Если он твердо решил уйти из штаба Отдельного корпуса военных поселений, на чем настаивают все его биографы, то проще бы было не согласиться с Аракчеевым и пойти на конфронтацию. Тем более что он прекрасно понимал (как и в деле с постройкой завода в округе гренадерского графа Аракчеева полка), что строевые командиры на местах, хорошо зная обстановку и вникая в вопросы хозяйственной деятельности округов, были, несомненно, правы. Но он вместе со всеми членами Совета подписал журнал заседания, в котором указывалось, что «...помянутое положение не может быть принято, яко не согласное с главными основаниями устройства военных поселений, ибо в оном состоянии военных поселян рассматривается единственно в отношении их оседлости, без всякого почти внимания к служебным их обязанностям к воинскому значению и без всякого

¹⁹ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 341, л. 325.

²⁰ Там же. Л. 356 (об.).

²¹ Там же. Л. 357.

²² Письма Батенькова С.Т. Аргамарову от 18, 21 и 26 июля 1825 г. // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. В 2 т. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 199–206.

соображения с созданными уже и высочайше утвержденными в 3-й день августа 1822 г. Правилами о торговле и промышленности»²³.

Хватило же смелости у генерала Маевского не подписать журнал заседания Совета и составить особую записку. Следовательно, можно предположить, что Батеньков, по крайней мере до осени 1825 г., не собирался уходить из ведомства Аракчеева. Тем более, у него было очень специфическое, двойственное отношение к военным поселениям, что очень тонко подметил А.В. Предтеченский²⁴. По-видимому, он интуитивно почувствовал, что в лице поселянина-хозяина невозможно совместить функции служилого и податного сословий, и в данный период соглашался с Аракчевым, делая акцент на первой из них. И только после доносов Клейнмихеля в октябре – ноябре Батеньков, как нам кажется, твердо решил уйти из военных поселений.

Аракчеев, по мнению Батенькова, «при всей строгости поступал всегда справедливо». Он полагал, что если Аракчеев отойдет от управления военными поселениями и они окажутся в руках Клейнмихеля, т. е. если исчезнет «справедливость», восстание военных поселян неизбежно²⁵. Само представление об Аракчеве как человеке, удерживающем военные поселения от восстания, не может, как указывает Предтеченский, не поражать необычностью²⁶. Кроме того, Батеньков полагал, что Сперанский и Аракчеев не исключали, а дополняли друг друга. В своем новом всеильном покровителе он отмечал многие положительные качества: решительность и твердость, верность своему слову, простоту в обращении с людьми, искренность, иногда переходящую в грубость, неумение и нежелание приспособляться к собеседнику, оставаясь самим собой.

Из отрицательных черт он выделял, в первую очередь, малообразованность и жестокость. Думается, что тезис о малообразованности графа должен быть снят после детального изучения его библиотеки и архива²⁷. Кроме того, нельзя забывать, что Аракчеев блестяще закончил Кадетский артиллерийский и инженерный корпус – одно из лучших учебных заведений России того времени.

В кругу друзей декабристов Батеньков утверждал, что Аракчеев на базе военных поселений хочет создать нечто подобное национальной гвардии²⁸. Главным же виновником сложившейся системы военных поселений, царивших в них быта и нравов он считал Александра I. Мнение Батенькова, что Аракчеев сдерживал в некоторой степени деспотизм системы, сложившейся при Александре I, разделяли декабристы И.А. Долгоруков и В.Н. Лихарев, которые служили в военных поселениях. Напротив, И.Д. Якушкин и П.И. Пестель видели в военных поселениях «объективное зло», которое они приносили государству, а не только конкретному военному поселянину. Кроме того, как отмечает Предтеченский, необходимо учитывать и тот факт, что в первое время существования военных поселений часть декабристов занимала по отношению к ним выжидательную позицию. Для них, как, очевидно, и для многих современников, «зло поселений» обнаружилось не сразу. Вероятно, идея военных поселений в том виде, в каком она была доведена до сведения общественности, не давала повода к протестам²⁹.

За сравнительно короткое время пребывания в ведомстве Аракчеева Батеньков многое смог сделать не только в деле кодификации законодательства по военным поселениям, но и принимал активное участие в его разработке. Большинство из этих законодательных актов не были опубликованы. Приведем лишь некоторые из них.

В округах военных поселений 1-й гренадерской дивизии, расположенных вдоль р. Волхов, велось значительное строительство ротных поселков. Для поддержания в них надлежащего порядка было разработано «Положение о содержании и исправлении ротных строений в военных поселениях»³⁰. В октябре 1823 г. Аракчеев, находившийся в это время в инспекционной поездке в округах военных поселений кавалерии в Слободско-Украинской и Херсонской губерниях, в предписании на имя

²³ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 341, л. 359–362.

²⁴ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения // Предтеченский А.В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 191–192.

²⁵ Восстание декабристов. М., 1927. Т. III. С. 77.

²⁶ Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 195.

²⁷ Ячменихин К. Библиотека «фрунтового солдата» // Библиофил. 1999. № 1. С. 105–112.

²⁸ Характеристика А.А. Аракчеева и М.М. Сперанского: Из показаний Г.С. Батенькова // Письма главных деятелей в царствование императора Александра I / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1883. С. 466–467.

²⁹ Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 206.

³⁰ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 176, л. 187–253 (об.).

Клейнмихеля приказал: «Господину генерал-майору Эйлеру (ответственный за строительные работы. — *К.Я.*) сей проект внести в Совет Главного над военными поселениями начальника и, приглася в оный Г. майора Батенькова, рассмотреть оный и представить ко мне немедленно к моему возвращению в Санкт-Петербург... Г. майору Батенькову объявить от меня благодарность за его скорое исполнение и вразумительное понятие дел военных поселений»³¹. Батеньков довольно оперативно справился с работой и внес ряд существенных изменений и поправок, которые были учтены при окончательной редакции указанного Положения. За это ему вновь была объявлена благодарность Аракчеева и именно в это время последовал рескрипт на имя Аракчеева, в котором, в частности, говорилось: «Согласно представлению вашему, Корпуса Инженеров путей сообщений подполковнику Батенькову повелено быть непрременным членом Совета Главного над военными поселениями начальника с производством ему по сему званию жалованья в две тысячи рублей в год из суммы военного поселения...»³²

В начале 1825 г. Батеньков участвует в окончательном редактировании «Положения о сдаче поселенных полков», которое было подготовлено И.Ф. Самбурским³³, но не успел довершить работу, поскольку в ноябре был уволен из состава Совета.

О разносторонности интересов Батенькова свидетельствует и тот факт, что в 1824 г. он принимал активное участие в разработке проектов устройства гончарных мастерских в округе гренадерского Его Величества императора Австрийского полка, причем проявил при этом хорошие познания в технике. В августе — сентябре 1825 г. он составил «Инструкцию инженерам или архитекторам, определяемым в полковых штабах поселенных полков о составлении штатного расписания расходов на ремонтное содержание полковых штабов»³⁴. Это была последняя крупная работа Батенькова в ведомстве Аракчеева.

24 ноября 1825 г. последовал рапорт Батенькова и Самбурского на имя Клейнмихеля, в котором говорилось: «Во исполнение приказания, отданного по штабу командующим Отдельным корпусом военных поселений (отошедшего от дел Аракчеева, что было связано с последствиями убийства его любовницы Н.Ф. Минкиной, заменял генерал-майор Эйлер. — *К.Я.*), дела по части законодательства военных поселений, находящиеся у подполковника Батенькова, сданы им, а статским советником Самбурским надлежащим порядком по представляемой при сем описи приняты»³⁵. Следовательно, Батеньков был уволен не высочайшим рескриптом (о смерти императора еще не знали), а приказом начальника штаба отдельного Корпуса военных поселений. В процессе передачи дел Батеньков обратился к Эйлеру с просьбой оставить у себя печатные экземпляры документов, в разработке которых он принимал участие. На его рапорте Аракчеев наложил резолюцию: «Без высочайшего соизволения не позволяется никому иметь положения военного поселения, а потому все оные непременно отобрать»³⁶. 2 декабря Батеньков доложил Эйлеру, что «все печатные положения и приказы по Корпусу поселенных войск, какие только были у меня, отданы мною господину губернскому секретарю Войцеховскому и сим удостоверяю, что ничего из оных у меня более не осталось»³⁷.

Вскоре последовали известные события 14 декабря, и пути наших героев навсегда разошлись: Батеньков оказался на долгие годы в заключении, а Аракчеев уехал за границу на лечение, а по возвращении был отправлен в отставку и до конца своих дней проживал в Грузино. Так закончилось сотрудничество, сопровождавшееся довольно теплыми отношениями, двух достаточно противоположных, неординарных людей.

³¹ РГВИА. Ф. 405, оп. 1, д. 176, л. 288.

³² Там же. Д. 266, л. 173.

³³ Там же. Д. 407, л. 76–86.

³⁴ Там же. Оп. 2, д. 871, л. 5–23.

³⁵ Там же. Оп. 1, д. 380, л. 727.

³⁶ Там же. Д. 321. Л. 427–427 (об.).

³⁷ Там же. Л. 428.